

Дизайн терроризма: в поисках объекта исследования

Великое множество авторских дефиниций (чаще всего поверхностных, однобоких, абсолютно не операционализируемых), говорит о том, что проблема феномена и понятия “терроризма” интерпретативная, и ведет она к гносеологическому тупику. Попав в академический дискурс 35-40 лет назад, термин “терроризм” так и не избавился от родимых пятен политической коннотированности. Таково свойство всех концептов, введенных в научный оборот из публичного и политического дискурсов.

На наш взгляд, выход из указанного гносеологического тупика зависит не просто от формулировки универсальной дефиниции, которая укажет константные элементы феномена терроризма, но и от описания круга переменных элементов, формирующих тот или иной дизайн терроризма. Тем самым будет определена область возможных объектов конкретных эмпирических исследований.

Опираясь на нашу дефиницию терроризма как “насильственных действий или угрозу таковыми, осуществляемых в политических целях посредством терроризирования и имеющих публичный характер” [1, С.672], мы утверждаем, что единственным константным элементом терроризма являются собственно террористический акт. Все остальные элементы, как то идеология, мобилизующие идеи, характеристики противника, география, масштаб, организационное устройство, средства обеспечения публичности, непосредственные объекты, средства покушения, социальная база, интенсивность и т.д., оказываются переменными, и хуже всего, когда именно на них строятся дефиниции. Между тем, эти переменные выстраиваются в четкую иерархию последовательной детерминации. Главными здесь являются характеристики противника (ресурсный, военный, идеологический потенциал; международный статус; географическое расположение и др.), в зависимости от которых будут избираться все последующие элементы. За ними следуют идеологическая база, формулирующая цели и оправдывающая экстремистский характер борьбы, и мобилизующие идеи, дающие опору на этнонациональную, религиозную, классовую или иную идентичность. Все вместе эти три элемента определяют организационное устройство и лишь после этого – остальные переменные.

Таким образом, мы имеем дело с двумя группами переменных, всесторонне характеризующих актора терроризма, на которых может быть сосредоточено внимание исследователя: 1) субъективные экстремистские установки, обслуживающие их доктрины и идеологии, а также комплекс факторов способствующих их интериоризации; 2) институциональные характеристики организации террористической деятельности.

Последние представляются менее удобными для исследования, так как организационное устройство, масштабы сети, методы рекрутирования, коммуникации и профессиональной подготовки и многое другое является оперативной информацией спецслужб, которая поступает дозированно через третьи руки. Первая группа, напротив, связана с вполне доступными явлениями и процессами, изучаемыми смежными дисциплинами (например, социальной психологией, конфликтологией, социальной антропологией и др.) и открывает широкое поле для эмпирических исследований в рамках феноменологической парадигмы и с привлечением междисциплинарных теоретико-методологических ресурсов.

1. Шерстобоев В.В., Голиков А.С., Хижняк А.В., Горобец Р.В., Кобзарь Ю.В. Социологическая интерпретация понятия «терроризм» в контексте мерктоновской парадигмы // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Зб. наук. праць. – Х.:ХНУ, 2005, - С.672-681